

Русские героические сказки

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва

Бой на Калиновом мосту

В этой старинной сказке в образах знаменитого Змея Горыныча и змеев многоглавых воплотились представления народа о жестоких захватчиках, нападавших на русскую землю.

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь с царицей. Была у царицы подружка — попова дочка. Была и любимая служанка Чернавушка.

Приснилось царице, что есть в их владениях пруд с волшебной рыбкой. Отведает ее, и родится у тебя сын-богатырь. Поймали царице рыбку, приготовили. Угостила она свою подружку-поповну, а Чернавушка, пока готовила, и сама кусочек отведала.

Ровно через девять месяцев родилось у каждой по сыну-молодцу. У царицы Иван-царевич, у поповны Иван-попо-

вич, у Чернавушки Иван — крестьянский сын. Сказка волшебная, и ребятки не простые: растут не по дням, а по часам. А как выросли, превратились в могучих братьев-богатырей. И умом Бог не обидел, и статью вышли.

Раз возвращаются они с охоты, а из дворца им навстречу выбегают матери. По щекам слезы ручьями текут.

— Сыны наши милые, защитники верные. Пришла пора показать вашу богатырскую силушку: напали на русскую землю лютые вороги — змеи многоглавые. Идут на нас через речку Смородинную, вот-вот ступят на Калинов мост. Землю разоряют, села-города огнем выжигают, людей губят.

Посмотрели братья друг на друга: плечи расправили, руки в кулаки сжали.

— Не плачьте, милые, не пустим мы врагов через Калинов мост, не отдадим врагам на поругание родную землю.

Взяли в крепкие руки мечи булатные, копыя острые, щиты надежные. Подъезжают к реке Смородинной. Вся земля тут огнем сожжена, русской кровью полита. Стоит у Калинова моста одна-единственная уцелевшая избушка.

— Ну, братцы, — говорит Иван-царевич, — тут нам караул держать, через Калинов мост врага не пускать.

В первую ночь стал сторожить Иван-царевич. Надел он золотые доспехи и в дозор отправился. Тихо на речке Смородинной. Прилег Иван-царевич под ракитовый куст и заснул богатырским сном.

А Иван — крестьянский сын спать не может: чует его душа недоброе. Потихоньку встал, кольчугу надел, булатный меч на бок повесил, вышел к речке Смородинной и встал под Калинов мост. Вдруг воды в реке взволновались, на дубах орлы раскричались: выезжает чудо-

юдо, трехглавый змей. От его смрадного дыхания на три версты все огнем вспыхнуло. Ступил его черный конь на Калинов мост. А Иван взмахнул мечом — все три головы змея поганого в речку покатились! А коня вражьего Иван прочь прогнал.

Вернулся Ваня в избушку и спать лег. Утром, едва солнце взошло, вернулся Иван-царевич. Потягивается, позевывает: выспался молодец!

— Как ночь прошла? — спрашивает его Иван-попович.

— Так, братцы, тихо было... Мимо меня и комар не пролетал.

Иван — крестьянский сын и бровью не повел, молчит-помалкивает.

На другую ночь пошел караулить змея Иван-попович. Вправо посмотрит, влево поглядит... Тихо на речке Смородинной. Прилег Иван-попович под ракитов куст и заснул богатырским сном.

Среди ночи встал Ваня — и на реку. В полночь воды в реке взволновались, на дубах орлы раскричались — въезжает на Калинов мост чудо-юдо шестиглавое. От его смрадного дыхания огонь вздымается, по земле расстилается.

Взбежал Ванюшка на мост, изловчился, взмахнул острым булатным мечом — и снес змею три головы.

— Стой, Иван — крестьянский сын, дай дух перевести! — взмолился змей.

— Ишь, чего захотел! У тебя вон сколько голов, а у меня одна!

Размахнулся Ванюшка и остальные три головы змею снес. Головы и туловище змеиные в реку толкнул, коня вражьего прочь прогнал, сам вернулся в избушку и спать лег.

Путру возвращается Иван-попович — бодрый, веселый.

— Тихо ли ночь прошла? — спрашивает Иван-царевич.

— Мимо меня муха не пролетала.

Иван — крестьянский сын молчит-помалкивает.

На третью ночь пришел черед караулить Ване. На голову крестьянский сын надел железный шлем, повесил к поясу меч булатный, в руку взял крепкий щит. И говорит:

— Братцы милые, я на страшный бой иду. Как знак подам — бегите на помощь.

Посмеиваются братья:

— Чего ты боишься? При нас было тихо, и с тобой не случится лиха.

Стоит Ваня у Калинова моста, а за ним вся земля русская. Только-только луна за тучу спряталась, как воды на реке взволновались, орлы на дубах раскричались. Выезжает Змей Горыныч, чудо-юдо девятиглавое.

Каждая голова на девять верст огнем палит. Конь у Змея Горыныча о двух

крылах, шерсть медная, грива железная. Только въехал змей на Калинов мост, конь под ним споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, черный пес позади ошетинился.

— Чую, здесь Иван — крестьянский сын, — зашипели головы. — За моих братьев лютой смертью тебя казню: съем заживо!

— Не хвались, змей поганый, а готовься к битве не на жизнь, а на смерть!

Схватились они на мечях булатных. Загудела-застонала земля. Искры злоеющим светом округу озаряют. Изловчился Иван, да и снес Змею Горынычу сразу три головы. А тот чиркнул по обезглавленным шеям огненным пальцем — все головы приросли.

Тогда схватил крестьянский сын пудовый камень, бросил в избушку — братьям знак подать. Покосилась крыша тесовая, а братья спят, ничего не слышат. Собрал силы Иван, изловчился

и снес змею сразу шесть голов! А змей вновь огненным пальцем чиркнул — приросли головы, будто и не падали. Самого же Ванюшку по колено в землю вогнал. Тогда кинул крестьянский сын свой щит в избушку к братьям. Щит, железом окованный, крышу разнес, вся избушка раскатилась по бревнышку.

Только тут братья проснулись, бросились Ивану на помощь. И пошел богатырский бой. Змей Горыныч огнем палит, дымом обжигает... Иван-царевич с одного бока его бьет, Иван-попович с другого, а Иван — крестьянский сын изловчился и отсек змею огненный палец. А тут и братья отличились: снесли проклятому врагу все его головы.

Отстояли Калинов мост, речку Смородинную и всю землю русскую.

А как вернулись братья домой, задал царь пир на весь мир.

Я на том пиру был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

Михайло Казаринов

Странствующие рыцари встречаются в легендах многих стран. Есть такой герой и в русских сказаниях. Богатыря силы необыкновенной народ наделял порой и чудодейственным даром.

В далеком городе Галиче уезжал из родного дома молодой богатырь Михайло Казаринов. Собрался он в Киевград, на службу к князю Владимиру Красное Солнышко.

Молодого да смышленного, отважного да любезного Михайлу люди любили. Да и то сказать: многих он спас от злых врагов. Снаряжали богатыря всем миром. Кольчуга кованая, доспехи крепкие, шлем и щит надежные, меч булатный, копье острое, лук тугой, стрелы меткие... Резвый конь под Михайлой по степи птицей летит.

Вот едет Михайло по лугам-полям, по лесам-чащобам и песни поет. О русской земле, синем небе, красном солнышке и о девице-красавице, что за околицей ему вслед платочком машет.

Долго ли, коротко ли ехал богатырь, а добрался он до высокого дуба. На дубе ворон каркает, петь Михайле мешает. Рассердился богатырь, вынул тугой лук, достал из колчана стрелу.

— Что же ты, черный ворон, раскаркался! — крикнул он. — Того и гляди беду накличешь... Вот я тебя сейчас каленой стрелой на землю свалю!

Натянул тетиву, а ворон говорит ему человеческим голосом:

— Не стреляй, богатырь Михайло, от моей смерти тебе славы не прибудет. Жил я триста лет и тридцать три года. Но глазами зоркими за три версты вижу. Дай напиться из твоей фля-

ги меду сладкого, положи меня в дупло глубокое — зоркость моя к тебе перейдет. А мне на тот свет пора...

Подивился Михайло таким словам, но уважил достойную старость: исполнил просьбу ворона. А едва его конь взобрался на высокую гору, как Михайло понял — не слукавил вещий ворон: видел теперь богатырь на три версты.

Поглядел наш герой на запад — на заставах богатырских воины спокойно дозор несут. Поглядел на север — и там все тихо: стоят леса дремучие, колосятся поля хлебные, в полях косари трудятся. А на востоке все черным дымом заволокло. Глянул на юг — и сердце замерло: горит застава, дозорные порублены, а басурмане — их не сотни, а тысячи! — на Русь идут. Торопятся им навстречу дружины княжеские: копье к копью, щит к щиту, воин к воину. Вот-вот вступят в сечу смертельную.

Поскакал Михайло на подмогу княжескому войску. Пока домчался, битва уже началась. Неистово рубятся русские воины с ворогом, земля, как живая, стонет. Разит и Михайло Казаринов басурман мечом булатным. Косматые головы, как капуст-

ные кочаны, в стороны летят. Бросились вороги врассыпную, криком кричат, на чем свет клянут храброго русского богатыря.

А как бой закончился, сам князь стольнокиевский Владимир Красное Солнышко Михайле Казаринову в пояс поклонился:

— Спасибо тебе, богатырь, за то, что спас ты русское воинство и меня, князя Владимира. Как тебя, добрый молодец, звать-величать?

Поклонился и богатырь пресветлому князю.

— Зовут меня Михайлой Казариновым. Направлялся я к тебе на службу в стольный Киев-

град, да вот привелось в ратном деле косточки размять. А имею я, Красное Солнышко, чудный дар: вдаль за три версты видеть.

— Тогда тебе, богатырь Михайло, сам Бог велел дозорную службу нести. Поднимай разоренную заставу на южных рубежах. Храни землю русскую, умножай ее славу! А я даю тебе в помощь тридцать воинов.

Стал Михайло службу нести, с холмов зорким взглядом просторы русской земли оглядывает. Как подаст братьям-воинам знак, они неожиданно-негаданно нагрянут и давай злосчастных ворогов громить.

А недруги голову ломают: как это русские воины обо всем заранее прознают? Откуда к ним вести приходят?

Как-то раз стоял Михайло в дозоре. А кругом лес дремучий соснами в небо синее упирается. Но и тут зоркий взгляд не подвел Михайлу. Увидел он, что между еловых ветвей чьи-то глаза поблескивают. Вскинул Михайло тугой лук и пустил каленую стрелу в ту сторону. Свалился в траву лазутчик.

Понял Михайло: где-то близко притаилась вражья сила. Раскрыл он пошире свои зоркие очи и увидел, как на поляне растянули шатры три знатных тугарина-басурманина, все косматые, страшные. Жарят барана на костре, из дорогих чар вино попивают. А к березе посреди поляны русская девушка привязана. Заныло сердце у Михайлы: одежда на ней порвана, косы русые расплетены, по щекам текут слезы горючие.

— Ой-ой, горе-горюшко! — слышит Михайло плач бедной девушки. — Кто же меня, пленницу тугарскую, из неволи вызволит? Видно, пропадать мне в чужой стороне, в песках зыбучих, в горах высоких...

Стали тугаре над девушкой насмехаться, больно пощипывать, за русые косы дергать. Как увидел это Михайло, не стерпел: прищпорил резвого коня, соколом налетел — никто и опомниться не успел. Веревку на девице мечом разрезал.

— Спасибо, молодец, что спас меня от плена басурманского, — кинулась ему на грудь девушка. — Думала, пропадусгину в земле чужой...

— Как зовут тебя, краса-девица, какого ты отца дочь, какой матушки?

— Зовут меня Аленушкой, рода я княжеского, а батюшку моего и матушку тугары убили. Сирота я теперь горемычная...

— Не печалься, Аленушка, — прижал ее к сердцу Михайло. — Если я тебе по сердцу, выходи за меня замуж. Будем жить на заставе богатырской. Я на княжеской службе дозор несу.

Озарило лицо Аленушки радостным светом, прижалась она к груди молодца, поцеловал он ее в уста сахарные.

Стали жить-поживать, добра наживать. Вскоре родились у них трое сыновей, будут они отцу помощниками в ратном деле.

Так нашел свое счастье Михайло Казаринов, богатырь святорусский.

Василиса Микулишна

В русских героических сказках русскую землю защищали не только богатыри, но и богатырки. Сила и боевое умение, а еще мудрость, смекалка и, конечно, красота отличали женщин-воительниц.

Как-то раз хлебосольный князь Владимир Красное Солнышко устроил пир. Гости на том пиру ели, пили, веселились, один перед другим хвалились. Только Ставр Годинович, богатырь из города Чернигова, невесел сидел: хмельного не пил, жареной лебедушки не ел, пряников печатных — и тех не отведал.

— Ты чего, Ставр, — спрашивает князь Владимир, — не ешь, не пьешь, невеселый сидишь, о себе не говоришь? А и то правда: родом ты не именинник и в ратном деле не первый... Чем тебе и похвастаться?

— Верно, — поднял Ставр Годинович на князя потемневшие от гнева глаза. — Чем мне хвастать? Может,

тем, что вы все в моих обносках ходите? Тридцать портных из лучшего сукна мне наряды шьют, я в них день-другой похожу, а потом вам продаю. И в сапогах денек землю потопчу — вам отправляю. Кони у меня хорошие, сильные, а худых на торг в Киев мои люди гонят. Разве что похвастать молодой женой Василисой Микулишной? Так она у меня красавица и умница и вашим женам неровня. Скучно у тебя, князь, на пиру, невесело... Вот я по ней и тоскую...

Услыхав дерзкие слова, княжеские гости вскочили, княгиня Апраксия от досады заплакала, а князь Владимир кубок с медом на пол бросил.

— Ну-ка, слуги мои верные, — говорит князь, — тащите Ставра в холодный подвал, на цепь его посадите. Погляжу, как он тогда заговорит!

Схватили богатыри Ставра Годиновича, стали ему руки крутить-заламывать, еле-еле справились. Бросили в темное подземелье и там одного оставили.

Но разгневанный князь Владимир все не может успокоиться. Велел дружинников в Чернигов послать, опечатать богатства Ставра Годиновича, а его жену Василису Микулишну силой в Киев привезти.

Пока стража коней седлала, долетела недобрая весть до Чернигова. Опечалилась Василиса Микулишна, слезы из прекрасных глаз ручьем потекли... Она их русыми косами утирает, а сама раздумывает: как любимого мужа из беды вызволить?

Но недолго слезы лила. Приосанилась, руки на груди скрестила.

— Слезами горю не поможешь! — молвила. — Эй вы, слуги мои верные, седлайте мне лучшего коня, несите одежду

и доспехи татарские, что Ставр Годинович в боях добыл. Поеду мужа выручать...

Плакали служанки, пока резали Василисе косы русые. Потом намазали ей волосы сажей, белое лицо темной мазью натерли, и превратилась Василиса в молодого татарского воина.

Скачет Василиса в Киев, а с нею воины из дружины Ставра Годиновича, тоже татарами переодетые. Встречаются им стражники князя Владимира, спрашивают:

— Куда, мурза, путь держишь?

— Еду я к князю Владимиру в Киевград, послом из грозной Золотой Орды, получать дань за двенадцать лет. А вы, добры молодцы, куда направляетесь?

— А мы едем за Василисой Микулишной да за богатством Ставра Годиновича — князь Владимир приказал в Киев доставить.

— Опоздали вы, — усмехается «татарский посол». — Василису Микулишну я в Орду отослал, а богатства Ставра в ханскую казну отправил. Нечего вам в Чернигове делать, поворачивайте назад!

Прибыл к князю Владимиру молодой «посол» из Золотой Орды, поведал про дань за двенадцать лет. Почернел князь лицом, опечалился. Вовек не собрать ему такой дани. Решил посланника умиловить:

— Садись за стол, грозный посол, отдохни, поешь-попей с дороги.

— Некогда мне рассиживаться. Подай-ка мне дань или отдавай за меня свою племянницу, красавицу Забаву Путятишну.

Побежал князь к Забаве в горницу, поведал ей про горе великое. А еще про то, что хочет ее за посланника замуж от-

дать. А Забава ему тихонько на ушко и говорит:

— Что ты, дядюшка! Не смей людей русских. Это ведь не богатырь, а женщина...

— Волос у тебя долог, да ум короткий, — рассердился князь. — С чего ты взяла, глупая, что грозный посол из Золотой Орды — женщина?

— Подглядела я за ним, когда он один был. На лавочке сидит, коленки одну к другой прижимает, ручки маленькие, пальчики тонкие, а на них видны следы от колец. Да и голос нежный, звонкий, словно колокольчик...

«Может, так оно и есть? — думает князь Владимир. — Женщину не проведешь...»

Думал, думал князь и решил испытать посла в поединке с лучшими киевскими борцами.

— Не хочешь ли ты, посол, — спрашивает князь, — с борцами нашими потешиться, пока Забава Путятишна собирается...

— Отчего же косточки не размять? Я с детства борьбу люблю.

Вышли все на широкий двор. Киевские борцы, как два быка: руки бревнами, ноги колодами. Хотели посла татарского ручищами ухватить, а тот в два хитрых приема обоих на землю положил.

— Э-э, князь, никуда не годятся твои борцы, — говорит посол. — А вот прослышал я, что сидит у тебя в темнице молодой богатырь Ставр Годинович. Вот бы с ним мне силой помериться...

Привели Ставра, а он еле на ногах стоит: ослабел от голода, духом пал...

— Э-э, — говорит посол, — да он у тебя, князь, вялый какой-то. Разве это богатырь? Ну ладно, я с ним в Орде бороться буду. Отдай мне его, и тогда прощу тебе дань за двенадцать лет.

А князь и рад! Воины «татарина» помогли Ставру на коня взобраться. И скоро вслед за послом поскакали за городские ворота — в чистые поля, за дремучие леса.

А как подъехали к реке, посол Ставра спрашивает:

— Не узнаешь меня, Ставр Годинович?

— Не видал я тебя никогда, татарский посол, — отвечает богатырь невесело.

Тогда сбросила Василиса доспехи и одежду татарскую, умылась в реке — и сошла сажа с волос рухлых, а с лица мазь темная.

— И теперь не узнаешь меня, Ставр Годинович?

Засветились глаза богатыря радостью, бросился он к жене любимой, на руки подхватил.

— Моя ненаглядная Василисушка! Спасибо, что меня из неволи спасла! Только где твои длинные золотые косы?

— А косами, мой любимый муж, я тебя из погреба вытащила! Так-то...

Поскакали домой богатырь черниговский Ставр Годинович и жена его, прекрасная и мудрая Василиса Микулишна.

И с тех пор они не расставались друг с другом. Везде вместе были: и в походе, и на охоте, и на пиру.

Покатигорошек

Герой, подобный Покатигорошку, встречается в фольклоре многих славянских народов. Тугарина Змеевича, страшного, безжалостного оборотня, можно назвать сказочным прототипом лесных разбойников, а их на Руси было немало.

В некотором царстве, в русском государстве, в малой деревеньке, на берегу быстрой реки жили-были муж да жена. Было у них два сына и дочь. Сыновья удались и нравом, и силушкой, а дочка, простая крестьянская девушка, еще и красавицей была.

Как-то раз собрались братья в дальнее поле на пахоту и взяли с собой припасов на три дня.

— Там работы на девять дней, — говорит им отец. — Через три дня сестра вам еще еды принесет. Ступайте с Богом.

Через три дня пошла девушка к братьям в поле. Идет через сумрачный лес, густые заросли. Чем она дальше шла, тем лес темнее да страшнее становился.

В том лесу жил Тугарин Змеевич, оборотень с волчьей головой, телом богатыря и хвостом змеи. Давно Тугарин присмотрел себе девицу-красавицу — хотел он ее в жены взять, да все случай не представлялся. А тут она сама к нему пришла!

Вырос Змей-оборотень перед девицей. Она от страха на сыру землю упала, сознания лишилась. Схватил Тугарин Змеевич красавицу и понес ее в свое дальнее логово, где среди вековых дубов высился его крепкий терем с золотой крышей, медными воротами.

Очнулась девица и видит: лежит она на широкой кровати с пуховой периной

и шелковыми подушками. Все вокруг золотом сверкает, серебром отливает, самоцветными камнями отсвечивает. Вдруг открываются двери золотые, и входит Тугарин Змеевич.

— Не бойся меня, красавица! Зла тебе не сделаю, потому как полюбил я тебя, краса ненаглядная, больше жизни. Станешь ты моей женой. Будешь меня, Тугарина, любить-привечать да детишек моих нянчить.

Заплакала девица, да делать нечего: пришлось Змею лютому, ненавистному покориться.

Тем временем братья три дня пахали, а как припасы кончились, они работу бросили и пошли домой.

— Что же вы, батюшка с матушкой, нам хлеба-квасу не прислали? — обижаются братья.

— Как так? — всплеснула руками мать. — Вам сестра еду понесла...

Закручинились братья, запричитали родители: пропала девица-красавица в дремучем лесу! Но слезами горю не поможешь. Взяли братья котомки, проверили луки со стрелами, острые ножи к поясам привесили. Надо сестрицу отыскать!

— Ждите нас, батюшка с матушкой, — старший говорит. — Домой не воротимся, пока любимую сестру не разыщем.

Долго ли, коротко ли шли, наконец добрались до логова Тугарина Змеевича. Отворили медные ворота и видят: сидит возле резного крыльца серебряного на золотой лавочке их любимая сестра, длинные косы изумрудным гребнем расчесывает, а сама горькими слезами заливается. А как увидала братьев, горше прежнего заплакала:

— Уходите отсюда скорее, милые братья, здесь живет страшный Тугарин Змеевич, а я теперь его наложни-

ца-жена. Вы и меня не спасете, и себя погубите.

Тут вдруг сучья в лесу затрещали, совы зауехали.

— Ой, братья милые, прячьтесь скорее под крыльцо! — встрепенулась девица. — Это Змей проклятый с охоты возвращается.

Спрятались братья, а тут и Тугарин на двор заходит.

— Фу-фу, русским духом пахнет! Кто тут есть, выходи по-хорошему!

Девица ему в ноги кинулась, запричитала жалобно:

— Господин мой, Тугарин Змеевич, что бы ты сделал, кабы мои старшие братья в гости пришли?

— Я бы их как гостей принял.

— Выходите, братья любимые, не бойтесь: не тронет вас Тугарин Змеевич.

Вышли братья из-под крыльца, а сами, как осиновые листья, дрожат.

Привел их Змей в просторную горницу, за стол усадил.

— Подавай нам, жена, угощение. Принеси железных бобов да медного хлеба... Угощайтесь, шурины любезные, ешьте досыта да огненным вином запивайте.

Взял старший брат медного хлеба с железными бобами, подержал в руках да на стол положил. Младший в чарку огненного вина налил, а оно пламенем горит. Усмехнулся Тугарин Змеевич:

— Видно, вы, шурины, сыты, раз моим хлебом-солью брезгуете? Ну ладно, пойдемте теперь на двор, силою помоемся.

И приводит их к дубовой колоде. Взял топор, в колоду воткнул.

— Если колоду пополам разрубите, уйдете домой подобру-поздорову, а нет... Придется вам тогда сложить на ней свои головы.

Хотел было старший брат топор из колоды вытащить, да сил не хватило. И у младшего ничего не вышло.

— Ах вы, мужики-лапотники, — рассвирепел Змей, — еще брататься со мной вздумали!

Отрубил им Тугарин Змеевич головы, на колья воздел, туловища под забор кинул. Девушка от ужаса чувств лишилась.

В ту пору, в то времечко шла мать по воду и горько плакала:

— Одни мы живем, солому жуем, ни детей, ни хлеба в избе не видим.

Вдруг видит: катится по дороге горошина. Взяла она ту горошину и съела. И родился у нее вскоре сыночек — Покатигорошек. Растет Покатигорошек не по дням, а по часам. Отец с матерью на него не нарадуются. Однажды поведали родители Покатигорошку про свое горе, как пропали-сгинули его братья и сестра.

— Не печальтесь, батюшка с матушкой, — сказал им сынок. — Я найду своих братьев и сестру.

— Куда тебе? — замахала руками мать. — Ведь еще только девять месяцев исполнилось!

— Верно, матушка, зато на вид-то мне двадцать годков.

Собрал котомку и отправился в путь-дорогу. Только к лесу стал подходить, встречается ему старый человек.

— Здравствуй, добрый молодец!

— Здравствуй, дедушка!

— Куда путь держишь?

— Иду искать своих старших братьев и сестру-красавицу.

— Слышал я от птиц лесных, что сестра твоя в плену у Тугарина Змеевича, а братьев старших он и вовсе погубил.

Покатигорошек заплакал слезами горючими. А старичок ему и говорит:

— Рано печалишься, добрый молодец! Я тебе помогу. Иди к высокой Буян-горе, в ней найдешь пещеру. Вход в нее большим камнем завален. Молодец ты крепкий, камень сумеешь отвалить. А в пещере найдешь оружие. Тебе нужен меч-кладенец. Его сразу найдешь. А в туеске возле того меча две фляги, с мертвой и живой водой. Ею ты братьев своих оживишь. Удачи тебе, богатырь...

Сказал и пропал, будто его и вовсе не было. Поклонился Покатигорошек тому месту, где старичок стоял:

— Спасибо тебе, старый человек!

Вот добрался он до Буян-горы. Отвалил Покатигорошек большой камень и вошел в пещеру. Чего там только не было: копья, булавы, мечи, сабли острые, стрелы каленые, луки тугие!..

А посреди стол каменный, на нем большущий меч-кладенец и туесок — как и говорил старичок.

Забрал Покатигорошек меч с туеском, из пещеры вышел, камень на место привалил.

Долго ли, коротко ли шел он, а пришел к чаще лесной, прямо к терему Тугарина Змеевича. Открыл медные ворота, подошел к крыльцу серебряному. Выходит к нему навстречу сестра бледная, в прекрасных глазах слезы стоят.

— Здравствуй, милая сестра, — Покатигорошек говорит.

Тут он ей о себе рассказал. Обняла она его и горько заплакала.

— Мои братья мертвые лежат, их буйные

головы на колья насажены. Зачем ты, мой братик младшенький, сюда забрел? — говорит. — Только горя и слез мне прибавится. Постой у ворот, а я у Змея спрошу, что он скажет.

Приходит к Тугарину, а тот на пуховой перине лежит, после сытного обеда отдыхает.

— Ох, злой немилостивый муж, Тугарин Змеевич, — говорит ему красавица. — Младший брат мой к нам в гости пришел.

— Коли он младший, ему и почету меньше. Зови его сюда.

Покатигорошек вошел в горницу.

— Здравствуй, Змей! — говорит. — Чего разлеся? Почему стоя шурина не приветствуешь?

— Молоко на губах не обсохло, а уж как разговаривает! Ну что же, погости у нас...

Пододвинул ему Тугарин Змеевич железную лавку. Покатигорошек на лавку сел — она и треснула!

— Что же ты, зятюшка, в богатстве живешь, а лавка у тебя худая?

Тугарин глазам своим не верит.

«Ну, — думает, — попался я...»

— Подавай, жена, напитки с закусками.

Приносит она чашку железных бобов, каравай медного хлеба и кувшин огненного вина.

— Изволь откусать, шурин любезный! — угощает Тугарин Змеевич.

— Благодарствую, зятюшка, — говорит Покатигорошек, — а то я совсем оголодал.

И как стал бобы зубами молоть да медный хлеб жевать! Змей только глаза пучит.

— Вкусно ли, шурин? — спрашивает.

— Вкусно, Змей! — отвечает Покатигорошек.

Налил себе огненного вина целый кубок и залпом выпил, потом дунул и пламенем Змею всю морду опалил...

Вовсе приуныл Тугарин и все на меч-кладенец глаза косит...

«Ох, не нравится мне этот меч, чую беду неминучую».

— Ну, пойдем, шурин, я тебе задачу задам.

И приводит его к дубовой колоде. А на ней следы крови его братьев видны.

— Коли ты эту колоду надвое разрубишь, быть тебе в живых, а нет — съем тебя и косточек не оставлю.

Покатигорошек вытащил меч-кладенец из ножен:

— Не грозись ты, змеище поганое, а дай молодцу развернуться.

Взмахнул богатырь мечом — колода разлетелась, будто пенек трухлявый.

— А теперь будем мы с тобой биться не на жизнь, а на смерть!

Тугарин схватил огромный топор-секач и бросился на Покатигорошка. Долго бой длился. Да правое дело сил придает: переломился топор Змея под ударом меча богатырского.

Пал на колени Тугарин.

— Пощади, оставь мне жизнь! — молит богатыря.

А Покатигорошек в ответ:

— Не будет тебе пощады, змеище! Довольно тебе губить добрых людей да малых детушек!

И срубил Тугарину Змеевичу голову. Туловище рассек надвое, а хвост змеиный на мелкие кусочки. Развел жаркий костер и сжег чудище, а пепел по ветру развеял.

Взял Покатигорошек тела братьев, на двор принес, снял с кольев головы, к шеям приложил. Достал живой и мертвой воды из заветного туюска. Брызнул мертвой водой — приросли головы, брызнул живой — стали братья живы и веселы. Подвел Покатигорошек братьев старших к сестре и говорит:

— Братья мои родные и любимая сестра! Нет больше Змея треклятого, как и вовсе не было. Пойдемте домой к отцу с матушкой.

И пришли они все в дом родной, стали дружно жить, хлеб растить, отца с матерью кормить.

Кашей Бессмертный

Кашей Бессмертный — один из самых известных сказочных персонажей. Часто его олицетворяли с образом захватчика, пришедшего с Запада.

На море-окияне, на острове Буяне растёт дуб зелёный, под тем дубом бык печёный, у быка в боку нож точёный; вот ножик вынимается, чарка наливается, и сказка начинается. Да это ещё не сказка, а только присказка. А кто эту сказку будет слушать, сладку кашу будет кушать, тому соболю и куница, прекрасная девица, сто рублей на свадьбу, пятьдесят на пир...

Жил-был, не тужил в нашем русском государстве богатырь Никита. Оборонял вместе с воинами святорусскими землю родную от поганых врагов.

Вот как-то раз возвращается он из дальнего похода. Вдруг слышит вдале-

ке шум битвы. Пришпорил коня Никита-богатырь и вскоре увидел войско басурманское, которое осаждало русский город. Выхватил богатырь свой булатный меч и принялся вражью силу бить-крушить.

А тут и городские ворота открылись, и бросилась на басурман княжеская дружина. Всех побили, а кого не добились — прочь прогнали.

Тут верхом выезжает из ворот прекрасная девица, кланяется Никите, за помощь благодарит:

— Спасибо тебе, богатырь, за подмогу великую. Уже десять дней войско басурманское осаждало нас. Погиб мой батюшка, славный князь, а за ним и братья родные... Я теперь одна городом правлю. А зовут меня Марья Моревна.

Снял Никита-богатырь шлем боевой, поклонился девице в пояс:

— А я святорусский богатырь, зовусь Никитою, служу стольнокиевскому князю Владимиру Красное Солнышко. А бить басурман — мой долг перед родной землей.

— Прошу тебя, Никита-богатырь, не побрезгуй нашим хлебом-солью и вином сладким.

Семь дней и ночей праздновали славную победу Никита и Марья Моревна. Полюбился богатырь красавице, и он не устоял перед ее красотой: глаз с нее не сводил.

Слово за слово, шутка за шуткой, а кончилось дело веселой свадьбой. Ладно стали жить, дружно.

Как-то раз стала Марья Моревна своему мужу хозяйство показывать. Клетки, пшеницей полные, конюшни с конями резвыми, погреба с медами хмельными...

— Хозяйствуй, как хочешь, ходи, где вздумаешь, а только об одном прошу: не заглядывай в дальний каменный подвал. О том мне еще батюшка наказывал...

Как-то поздно вечером, когда Марья Моревна уснула сладким сном, не выдержал Никита и решил посмотреть: что же такое сокрыто в подвале дальнем? Отворил кованым ключом двери железные, глянул: темнота, ничего не видать. Запалил Никита факел смоляной, поднял его над головой — и обомлел... Висит на каменной стене, прикованный цепями, Кащей Бессмертный.

Поднял страшные глаза на богатыря, зашипел, словно гад ползучий:

— Пожалей меня, богатырь: десять лет я воды не пил, совсем в горле пересохло...

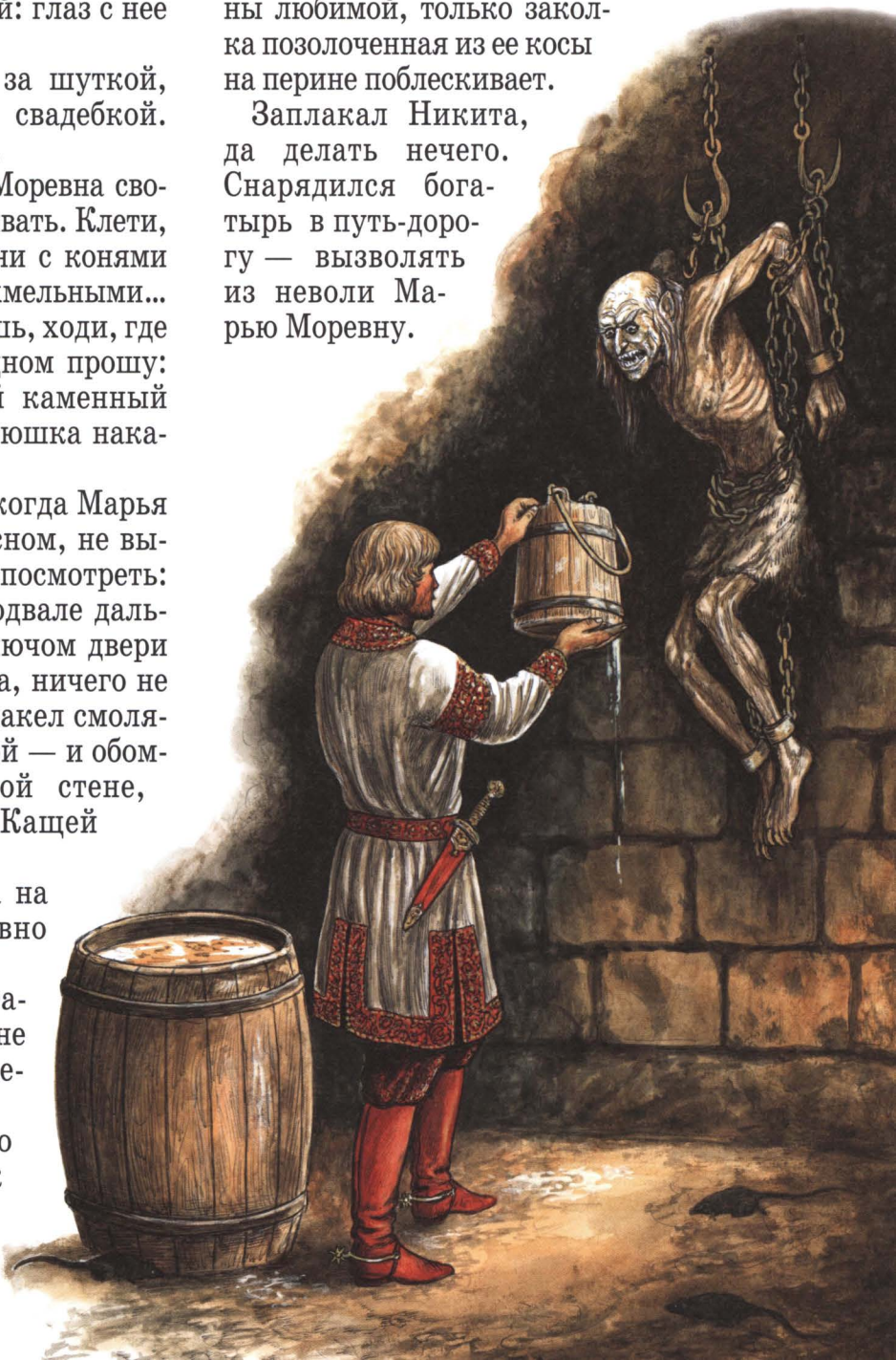
Никита подал ему ведро воды. Кащей в один глоток его выпил и еще попро-

сил. А как третье-то опорожнил, вернулась к нему прежняя сила. Слегка повел плечами костлявыми и все двенадцать цепей порвал.

— Ну, богатырь, — загрохотал он голосом громовым, — не видать тебе Марьи Моревны во веки вечные!

Неведомая сила опрокинула Никиту на каменный пол, а проклятый Кащей взмыл в окошко — только его и видели! Бросился Никита в спальню... Нет жены любимой, только заколка позолоченная из ее косы на перине поблескивает.

Заплакал Никита, да делать нечего. Снарядился богатырь в путь-дорогу — вызволять из неволи Марью Моревну.

Он год ехал и два, а на третий добрался до царства Кащея Бессмертного. Огляделся богатырь: лес дремучий на камнях растет, корявые сучья дорогу преграждают, за одежду цепляют. А в самой глуши, где нет ни души, стоит избушка на курьих ножках.

Подъехал Никита к крылечку, привязал коня за дубовое перильце, а сам в избу вошел. Видит: лежит на печи, на девятом кирпиче, Баба-яга, костяная нога, носом в потолок уткнулась.

— Здравствуй, бабушка! Приюти дорожного человека, дай поесть-попить — не за так, а за деньги.

Захотела Баба-яга скрипучим смехом, беззубым ртом прошамкала:

— Не нужны мне твои деньги! Знаю я, зачем ты забрел сюда, Никита-богатырь. Ищешь жену Марью Моревну.

— Откуда знаешь, бабушка?

— Земля слухами полнится, добрый молодец. Знает Кащей, что станешь ты искать жену свою, и будет к встре-

че готовиться. Помогу я тебе. Кащей когда-то обещал жениться на мне и обманул... Возьми-ка клубок пеньковый: он покатится и прямо к смерти Кащея тебя приведет.

Напоила Баба-яга Никиту квасом, накормила кашей да хлебом и в путь проводила. Едет Никита верхом на коне, за клубком едва поспевает.

А тут встал у него на пути город. Клубок он до поры до времени в сумку спрятал, а сам тихими улочками поехал. Город словно вымер, из окошек чьи-то испуганные глаза блестят.

Остановили Никиту привратники, потребовали с коня сойти и поклониться каменному изваянию.

— Зачем мне какому-то идолу кланяться?

— А затем, чужеземец, что это священное изображение волка — символ нашего повелителя, Кащея Бессмертного.

Хотел было Никита урезонить привратников мечом булатным, да поборол в себе гордыню. Не стоило раньше времени шум поднимать, раз уж Кащей его ждет-поджидает. Сжав зубы, поклонился каменному идолу.

Поехал дальше и видит: на площади человека кнутом бьют.

— За что вы его наказываете? — спрашивает Никита.

— А за то, — отвечают палачи, — что задолжал он богатому купцу десять золотых, а в срок не выплатил.

Жалко стало Никите несчастного: заплатил он за него выкуп и дальше поехал. Вдруг слышит, бежит за ним человек и кричит:

— Постой, богатырь. Возьми меня с собой, буду я тебе верным слугой.

Оказался нежданный попутчик тем самым человеком, которого он от наказания спас.

— Как звать-то тебя? — спрашивает Никита.

— Булат Балагур. А тебя, богатырь?

— Никитой. Ладно, будь рядом. Только мне друг нужен, а не слуга. Поведаю я тебе, Булат Балагур, что со мной приключилось.

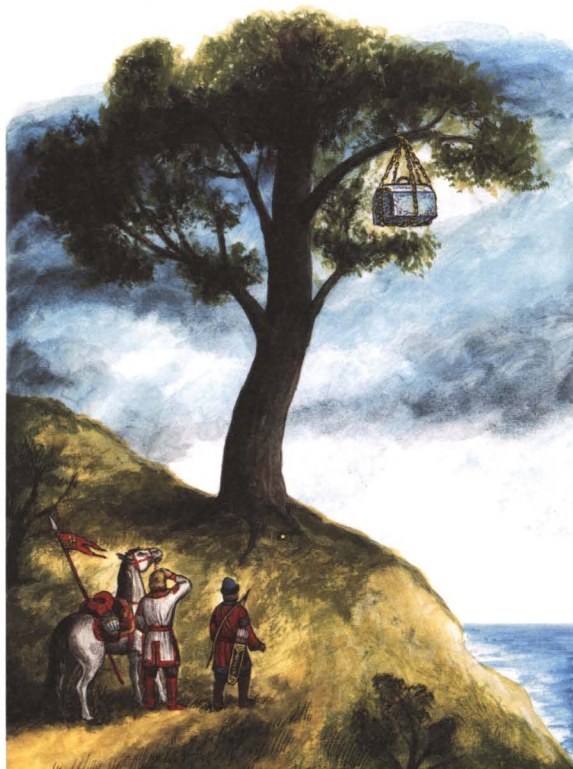
Рассказал Никита новому другу о себе и Марье Моревне. А тот жизнью поклялся, что поможет Никите освободить жену любимую и расправиться с проклятым Кашеем.

Шли они, шли за клубочком пеньковым до самого синего моря. Истомились, изголодались. Вдруг видит Никита: летит ястреб. Выхватил лук, наложил стрелу.

— Эх, ястреб, застрелю я тебя! С голодухи мне впору живым тебя съесть!

— Не стреляй, богатырь, — отвечает ястреб человеческим голосом. — В нужное время я тебе пригожусь.

Видит Булат Балагур: бежит навстречу медведь.

— Эх, Мишка-медведь, я тебя убью да живым съем.

— Не ешь меня, добрый молодец; в нужное время я тебе пригожусь.

Голод не тетка, думает Никита, а делать нечего: дальше пошли. Идут вдоль берега. Глядь, а на берегу большущая щука трепыхается.

— А, зубастая, попалась! Мы тебя и жарить не станем, так съедим!

— Не ешьте меня, молодцы, лучше в море бросьте! В нужное время я вам пригожусь.

Идут они дальше. И вдруг остановился клубочек перед ветвистым дубом, а на его ветвях, на золотых цепях висит хрустальный сундук.

Смотрит Никита на тот сундук, сокрушается: не достать!

Вдруг откуда ни возьмись прибежал медведь, дуб с корнем выдрал, сундук упал и разбился.

Вылетела оттуда утка и взвилась высоко в небо.

В небесах ее уже ястреб поджидает: налетел, клювом ударил. Выпало из утки яйцо да прямо в море.

Подхватила его щука, подплыла к берегу и отдала Никите.

Положил он яйцо за пазуху, и пошли молодцы во дворец к злодею — Кащею Бессмертному.

Высоко в горах будто затаился его мрачный дворец. Никита с Булатом ноги в кровь разбили, пока до вражьих хором добрались. Стражников мечами сразили и во дворец!

А там, в огромном мрачном зале, сидит сам Кащей на золотом троне, а возле него на лавочке Марья Моревна горькими слезами заливается.

— Зря ты, Марья Моревна, — говорит ей Кащей, — слезы льешь. Все равно женой мне будешь. А богатыря Никиту я на куски разрублю и собакам скормлю.

Тут открылась дверь, и входят в зал Никита и Булат Балагур.

— Готовься, проклятый Кащей, к смерти!

— Конец тебе пришел, богатырь Никита! Пожалел я тебя в свое время, а теперь не будет пощады, — зарычал Кащей Бессмертный.

А Никита вынул из-за пазухи яйцо, показал Кащею:

— Твоя смерть в моих руках!

У Кащея свет в глазах помутился, он дара речи лишился. А Никита всего только переложил яйцо с руки на руку, как Кащей Бессмертного из одного угла в другой бросило.

— Не спеши, богатырь, радоваться, — прорычал Кащей, — а прежде подумай: кто это яйцо разобьет, тот сам окаменеет.

И ринулся тут злодей на Никиту с огромным мечом в руках!

Выронил богатырь яйцо из рук и едва успел меч из ножен выхватить да от-

бить смертельный удар. А яйцо подхватил Булат Балагур и, недолго думая, разбил его о каменный пол. Но Кашей, будто огромный черный ворон, все летал по залу и мечом размахивал.

И вдруг понял Булат Балагур, что ноги его становятся каменными, а вот уже и руки тяжестью наливаются... Посмотрел на поганое яйцо и видит: в скорлупе яйца сверкает иголка.

Закричал молодец из последних сил:

— Марья Моревна, бери скорее иглу острую, в ней-то и есть смерть Кашеева!

Бросилась красавица к игле, а Кашей ей навстречу. Но меч Никиты настиг злодея и рассек его пополам. Стали две половины друг к дружке двигаться, соединились и уже срастаться начали. Схватила тут Марья Моревна иглу и Никите передала.

Сломал ее богатырь, а вслед за этим такой гул да вой по дворцу пошел, что

каменные стены задрожали. Загорелся Кашей синим пламенем, черный дым клубами пошел. И скоро на каменном полу осталась только сажа с золотой короной.

— Нет больше злодея проклятого! — промолвил богатырь Никита и обнял любимую свою жену Марью Моревну.

— Стало быть, не бессмертным он был, только голову людям морочил, — прозвучал знакомый голос.

Обернулись Никита и Марья Моревна, а это Булат Балагур, живой и здоровый, стоит перед ними, улыбается.

Не мешкая отправились домой на быстрых конях богатырь Никита, его любимая жена Марья Моревна и верный друг Булат Балагур.

А по Руси слух впереди них летит: нет больше страшного злодея на свете, пришел конец Кашею Бессмертному.

Два Данилы

Из старинной воинской легенды мы узнаем о старом и мудром воине и его внуке — молодом богатыре. Он пока ленив и самовлюблен, но приходит время, и пробуждаются дремавшие в нем силы. Тогда врагу, пришедшему на русскую землю, несдобровать.

Как-то раз приходит к царю старый богатырь Данила Игнатьевич. Поклонился низехонько и говорит:

— Государь-батюшка, прослужил я тебе верой-правдой пятьдесят лет. Берег я нашу Русь-матушку от злых ворогов и побил их немалое число. Исполнилось мне сто лет, и не носят меня больше ноги старые. Отпусти меня, воина седого, в свят-монастырь. Хочу там свой век доживать.

— Господь с тобой, — отвечает царь. — А кто же вместо тебя Русь охранять будет да со злыми ворогами воевать?

— Есть у меня внучек, его, как и меня, Данилой зовут. Он хоть и молодец, да я его сам воевать учил.

Отпустил царь Данилу Игнатьевича в монастырь. А вместо него пришел к нему верой и правдой служить молодой богатырь Данила — красавец

златокудрый, и ростом высок, и статью широк, и в плечах косая сажень.

Стал с царскими силачами бороться, силушкой мериться.

Ликует народ, радуется. Вот так удалой богатырь, не хуже дедушки Данилы Игнатьевича. И все его хвалят, крас-

ные девицы с него глаз не сводят. А сам Данила-богатырь подумывает жениться на дочке царской, Анастасии. А та рада-радешенька, что такого писаного красавца в мужья получит.

Возгордился Данила. Не только бояр не замечает, а и с царем как бы нехотя разговаривает.

Но тут пришла на Русь беда. Обложили град-столицу войска басурманские. Все вокруг пожгли, людей побили и в полон взяли.

— Твой черед, Данила-богатырь, — говорит царь, — как и твой дед, Русь-земле послужить, вражью силу бить.

Данила не спешит, не торопится. Сладкое вино попивает, пряничком печатным заедает.

«Успею, — думает. — Никуда рати басурманские не денутся».

Латы на нем золотые, кольчуга красного золота, а шлем белого серебра.

Собрался наконец. Выезжает за ворота, да прямехонько на силу вражью и попал. Облепили Данилу басурманы, словно оводы коня. Ухватился он за рукоять меча, еле из ножен вытянул — заржавел меч без дела. Стал с врагами биться, а меч-то и сломался о кривые

басурманские сабли. Хотел Данила врагов копьем колоть, а древко прямо у наконечника надломилось. Выхватил богатырь лук, хотел стрелами вражью силу перебить, да прелая тетива порвалась.

«Ну, — думает богатырь, — подвела меня жизнь сладкая».

Собрал он все свои силы, подхватил с земли две сабли басурманские и стал врагов сечь-разить их же оружием. Едва сумел пробиться сквозь орды басурманские, чуть жив от погони ускакал. Поскакал Данила к монастырю, где родной дедушка обитал, Данила Игнатьевич.

Въезжает молодой богатырь на монастырский двор. На нем латы порублены, кольчуга выщерблена, шлем помят. Как увидели монахи побитого воина, запричитали и отвели к Даниле Игнатьевичу.

— Здравствуй, дедушка! — кинулся в ноги деду богатырь. — Посоветуй, что мне теперь делать?

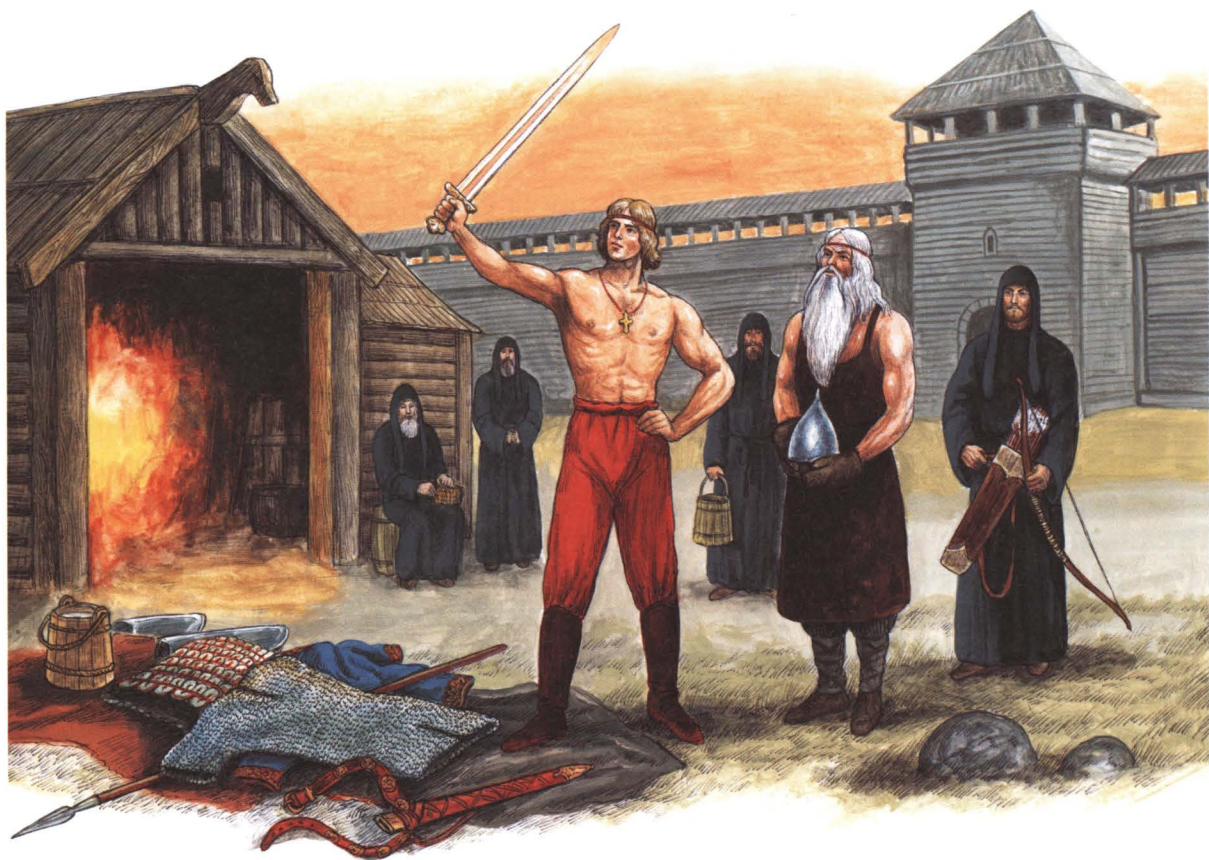
И рассказал про свою жизнь. А Данила Игнатьевич недолго думая, схватил клюку дубовую да как стал Данилу-молодца по спине охаживать!

— Набирайся ума-разума, дурья башка! Ишь, возомнил себя выше солнца красного. Да от лености не только силушку потеряешь, а и душа коростой покроется.

Остался богатырь Данила жить в монастыре у дедушки.

Они в первый день помолились, в чистом поле богатырскими забавами потешились: мечами звенят, копья кидают, из луков постреливают. Старый Данила Игнатьевич хоть и сед, да крепок и цепок. Другой раз так крутанет внука, что у того из глаз искры посыпятся.

На второй день без устали в кузнице трудились. Звенят по наковальне молотками, железо плющат-закачивают. Выковали Даниле-богатырю латы новые, добрые. Да не золотые, а железные — как положено воину. Кольчугу сплели из кованых колец тройной закалки, шлем изготовили прочнее прочного, а многослойчатый меч-кладенец рубит железо в палец толщиной.

Ну, а на третий день велел старый Данила Игнатьевич внуку новый богатырский наряд испытать. Тот без устали по полям скакал, через глубокие овраги перескакивал, широкие реки переплывал. Брал в правую руку меч булатный, а в левую щит крепкий и сквозь лесные непролазные дебри без устали прорубался. Такой шум да треск шел, будто сотни лесорубов деревья валили-опрокидывали.

Доволен старый богатырь Данила Игнатьевич: перешла его силушка

к внуку Даниле. Прорубился богатырь молодой до самой Пучай-реки, вернулся назад к деду. Тоже доволен, улыбается.

— Вот, дедушка, и дороженька к Пучай-реке проложена. Будут монахи за водицей не дальней тропой ходить, а прямою, ближнею.

Расцеловал старик внука и говорит:

— Пора, Данилушка, на битву собираться. Сила басурманская изморила столицу осадой. Езжай скорее, а я за тобой пешком пойду: ежели что — помогу.

Так и сделали. Богатырь Данила верхом поскакал, а Данила Игнатьевич пешком отправился. По дороге старый богатырь в дубовую рощу заглянул да топориком семипудовую палицу смастерил. Испробовал ее, ударив по валу огромному, и тот за версту улетел.

Тем временем доскакал Данила до войска басурманского. А его вдесятеро

прибыло. Привел бесчисленные орды главный хан Уланище. У него ушищи, словно лопухи, глазища, словно пивные чаши, носище, словно кадушка, а росту он саженного.

Но не испугался богатырь Данила. Налетел на вражью силу: его меч булатный врагов разит, будто коса траву косит. Раз взмахнет — станет улица, другой взмахнет — переулочек. Конь его богатырский врагов копытами бьет, зубами рвет, крупом отталкивает.

Но их два бойца, а басурман тысячи. Стали враги Данилу теснить, стрелами осыпать, кривыми мечами сечь.

Вдруг заголосила басурманская сила, завизжала, заохала — это Данила Игнатьевич подоспел и давай нехристей дубинушкой охаживать!

Испугались басурманы старого богатыря. Его черная ряса на ветру развевается, седые волосы и борода в стороны разметались, глаза, словно молнии, сверкают, врагам скорую гибель предупрекают.

— Ай, спасибо тебе, дедушка! — закричал богатырь Данила. И на радостях снова кинулся в ряды вражеские, заработал мечом.

Добрался Данила-богатырь до царской град-столицы. Увидал царь со своими воинами, что Данила-богатырь жив-здоров, возрадовались, собрались в ряды конные, отворили ворота и ринулись богатырю на подмогу.

И пошла тогда битва грозная. Царские воины басурман копьями колют, мечами секут, стрелами разят. Данила-богатырь мечом булатным орудует да щитом себе помогает, а старый Данила Игнатьевич семипудовой дубинушкой врагов разметает. Сколь ни пытались вороги оборону держать, да все без удачи. Гибнут десятками, сотнями, тысячами!..

Тогда выехал вперед Уланище и говорит, будто гром гремит:

— Эй, богатырь Данила! Выходи на поединок! Кто кого одолеет, того и верх будет. Покорятся противники победителю!

Раздвинулись войска в стороны. Выехали между ними два богатыря. За Русь святую Данила-богатырь стоит, а за силу басурманскую хан Уланище. Конь под ним громадный, как гора, по ветру косматой гривой развеивает, длинным хвостом след замечает. Сам Уланище в золотых латах, серебряном шлеме, драгоценной парче.

Сошлись поединщики в смертельной схватке! Бились час, другой, а на третий сбил Уланище Данилу с коня, уже и огромный меч над ним занес.

— Мать-земля русская, — прошептал богатырь, припав к земле, — не дай погибнуть, придай силушки...

И от святорусской земли ему втрое силы прибыло. Вскочил он с колен да мечом перерубил булат вражеский, словно сухую тростиночку. Вторым ударом Уланища с коня сбил, а третьим великану голову срубил. В левую

руку ее за волосы взял да на верного коня вскочил.

— Эй, сила басурманская! — звонко закричал Данила. — А ну прочь с земли русской, а не то вам несдобровать!

Испугались враги, и вскоре полчища исчезли с земли русской, как их и не было. Встретились тогда Данила-богатырь да его дед Данила Игнатьевич, обнялись: на глазах обоих слезы радости выступили.

А тут к ним и царь подъехал.

— Спасибо тебе, Данила Игнатьевич, за внука. Теперь вижу: достойный у тебя преемник. Пусть знают враги святой Руси, что земля наша под надежной защитой.

Поднесли тут слуги царские богатырям победные кубки. Слава родной Руси! Не скакать врагам по нашей земле, не топтать их коням землю русскую, не затмить им наше солнце красное!

Князь Роман и два королевича

В образе главного героя, князя Романа, угадывается знаменитый русский полководец Александр Невский. Народ помнит и любит его, потому что он не раз спасал русскую землю: разбил шведских рыцарей на реке Неве и немецких рыцарей-крестоносцев на льду Чудского озера.

На чужой стороне, в немецкой земле, жили, не тужили два брата-королевича, два племянника короля Ганса Красивого. И вот захотелось молодцам по богатой Руси погулять, города да села пожечь-пограбить.

Пошли они к королю, своему дядюшке. Предстали перед его величеством, поклонились и говорят:

— Ваше величество, дай нам сотню рыцарей. Мы решили на Русь сходить, себе и тебе славу добыть и богатую добычу взять.

Усмехнулся король.

— Ну уж нет, — ответил он племянникам, — рыцарей своих я вам не дам, они мне живые и здоровые нужны. Не советую и вам идти на Русь. Много лет я на земле живу, много раз видел, как воины туда ходили, но ни разу не видел, чтобы они целыми назад возвращались. А уж если вам так не терпится силу свою показать, поезжайте в Ливонскую землю, там единомышленников встретите. Туда все вояки, кто на Русь собрался, съезжаются.

Так королевичи и сделали. Поехали они в Ливонию, набрали войско и пошли на Русь войной.

Приехали к первому селу, Красному. Все пожгли, крестьян порубили, детей малых извели, женщин и девушек в полон взяли.

И другое село, Белое, разорили: сожгли людей, старых и малых, дома по-вырубили.

Пошел слух по русской земле, что едут с той стороны, где солнце закатывается, страшные вороги и никому нет от них пощады.

А рыцари все двигаются. Вот

на пути третье село — Безымянное. Только сунулись, как получили достойный отпор. Собрались со всей округи мужики со всяким оружием. Бились достойно, да где им с рыцарями совладать: те с малолетства к воинским премудростям приучены.

Три часа бились рыцари и одолели мужиков.

Королевичи железными латами звенят, мечами окровавленными играют:

— Мы всех русских побьем-покорим! Где им против нас, рыцарей! Мы и храбрее, и хитрее!

Дошла горькая весть до князя Романа. Собрал своих воевод, сотников, десятников и прочих дружинников и, раскрасневшись от гнева праведного, говорит:

— Напали на Русь злые рыцари! Ведут их два брата-королевича. Разорили они села наши мирные, мужиков повырубали, детей малых огнем пожгли, жен и девушек в полон взяли. У вас, мои храбрые побратимы-дружинники, спрашиваю, чего достойны изверги?

— Смерть им неминуемая! — услышал князь в ответ.

Стали отряды собирать, вооружение проверять, ратные песни петь:

*Ой, вы, молодцы, собирайтесь,
Ой, вы, молодцы, снаряжайтесь!
За святую Русь мы пойдем стеной
И побьем мы врага, да без жалости...*

Мудрым человеком был князь Роман. И в дружине у него имелись

опытные воины. Знали языки разные. Снарядил он трех лазутчиков, передел в одежды и латы иноземные. Каждого обнял, троекратно поцеловал и напутствовал:

— Лазутчики мои хитрые, вызнайτε у вражьих рыцарей, сколько сил у них и каково оружие. И пустите слух, что князь Роман, испугавшись, укрылся в дальней вотчине. А большой город Спас без охраны остался, нет там теперь силы достойной.

Отправились лазутчики в лагерь королевичей. Между шелковых шатров костры горят, над огнем туши звериные жарятся. Вокруг костров рыцари сидят, вино пьют, жареным мясом да пшеничными хлебами закусывают.

Лазутчики меж ними затесались, тоже веселятся, вина хмельного подливают. Вызнали, и сколько ворогов, и каково оружие, и слух пустили про богатый город Спас, оставленный без защиты.

Решили королевичи поутру всем войском двинуться на город.

— Храбрые рыцари! Видите, как бояться нас русские князья? Завтра ваши богатства вдесятеро пополнятся и золотом, и серебром, и мехами соболиными.

А князь Роман к утру им уже засаду приготовил. В городе — полк ратников, в ближнем лесу — дружина, а в поле широком меж высоких хлебных колосьев — большой отряд.

Едва заря начала заниматься, слышался гул да топот. По широкой

дороге, поднимая тучи пыли, движется войско рыцарское. По ветру выются стяги с гербами, на копьях острых прапорцы разноцветные, шлемы железные лица скрывают, только в прорезях блестят алчные глаза.

Подскакали вороги к городским воротам. Братья-королевичи встали подбоченясь и закричали сторожам-привратникам:

— Эй, стража, ворота отворяй, да шевелись побыстрее!

Со стен голос слышался:

— А кто вы такие будете?

Разозлились братья-королевичи, кулаками в железных перчатках грозить начали:

— Мы рыцари непобедимые! А ну, отворяйте ворота, пока мы стены огнем не запалили!

Только в ответ не голос последовал, а сотня стрел каленых по непрошеным гостям ударила. Повалились непрошенные гости, кто щитами укрыться не успел, в пыль. Лучники бьют, а еще живые от городских стен улепетывают.

И вдруг боевым кличем огласили округу княжеская дружина и засадный отряд. Впереди воинов-дружинников сам князь Роман, как сокол, летит на быстром белоснежном коне. Меч булатный на солнце блестит, алый плащ по ветру стелется, а позади в руках у знаменосца стяг полощется. Так дружно ударили воины по рыцарям, что смешались те, опешили. А как в себя пришли, принялись сражаться.

Сам князь Роман рыцарей бьет, мечом сечет, щитом с коней сбивает и приговаривает:

— Кто вас на Русь звал, наши города и села жечь, добрых людей губить, детишек малых в огонь бросать?

Бьется-рубится, а сам к братьям-королевичам подбирается. Одного из них так рубанул, что голова вместе со шлемом на землю упала, а другого от плеча до седла на две половинки рассек.

Разбили русские воины злых рыцарей. Положили на телегу останки братьев-королевичей и отослали их дядюшке.

— Случилось, как я и предсказывал, — сказал Ганс Красивый. — Много врагов на Русь войной ходили, да мало кто возвращался. И я детям и внукам наказываю: не ходите с мечом на великую Русь, она век стоит — не шатается, еще века простоит — не шелохнется!

А князь Роман и все войско свято-русское праздновали победу славную. Народ им в пояс кланялся, песни хвалебные пел, цветами забрасывал.

Слава нашим русским богатырям!

Игнат Простак — удалой казак

Казачьи предания и легенды — органическая часть русского фольклора. Казаки — люди отважные, а потому и главный герой казачьих сказок — славный воин, защищавший свой дом и землю от врагов.

Было это или не было, а как слышал, так и рассказываю.

В степях лазоревых, за лесами дремучими, на берегу широкой Дон-реки стояла казачья станица. А в той станице среди прочего люда жил-поживал казак Игнат по прозвищу Простак. Был он добрый и учтивый, а годков ему чуть более двадцати.

Жил он с тремя младшими сестрами-красавицами. Они на выданье были, вот-вот молодые казаки к ним свататься начнут. И все было бы хорошо, живи да работай, если б не налетела на станицу сила басурманская.

Стали нехристи хаты жечь, народ бить. Храбро бились с ними казаки, да басурман тысячи, а казаков и сотни не

набралось. Кто погиб как герой, а кого крепкими арканами скрутили.

Выехал вперед хан и говорит:

— Знайте нашу силу, жалкие казачишки! Не станем вас убивать, работайте до седьмого пота и платите нам дань богатую. А батыр Чебалда будет за вами глядеть и в страхе держать. Вы его еще узнаете...

Тут вышел сам Чебалда: росту саженного, ширины необъятной, а голова, что пивной котел. Захохотал — и у хат крыши покосились.

Делать нечего: сила солому ломит. Ладно, думают казаки, придет черед, еще схлестнемся.

Поставил батыр Чебалда свой шатер, золотом шитый, на крутом берегу, а вокруг него полсотни басурман шатры разбили.

Стал Чебалда со своими приспешниками каждый день в станицу наезжать.

— Хотите живыми быть — кормите да поите нас сытнее сытного. Чтобы и мясо, и хлеб, и вино было. И чтобы к вечерней заре мне в утеху девушку-красавицу присылали...

Что делать? Казаки по хатам раненые лежат, зубами от гнева скрипят. Заплакали старики, запричитали бабы, да делать нечего.

Настало время, и пал жребий на старшую из сестер Игната Простака к батыру Чебалде идти.

— Ну уж нет, — сказал Игнат. — Это что же такое на белом свете творится? Погибну, а не отдам любимых сестер ворогам...

Велел он сестрам сварить кашу из чудодейственных кореньев, помазал кашицей свои раны, те и зажили. Взял он острую саблю, лук тугой да стрелы каленые и велел сестрам собираться и припасов взять.

Спрятал Игнат девушек в дальнем лесу, а сам на коня вскочил и поскакал галопом вдоль Дон-реки к басурманскому стойбищу. За кусточками пробирается и видит, как привозят воины батыру Чебалде девушку из станицы. Схватился Игнат за лук со стрелами и шепотом сам себе говорит:

— Ты, Игнаша, своих сестер упрятал, а что с другими девицами будет? Погибну, а спасу несчастную...

Вдруг видит Игнат, что усаживает Чебалда девушку на ковер, золотом расшитый, и угощает. Тут и мед хмельной, и пряники с изюмом, и халва заморская, и персики нежные. Батыр девушку вином угощает и с поклоном ей чару подает...

«Что-то тут не так, — думает казак Игнат. — Может, полюбилась Чебалде девица-красавица, и он хочет ее в жены взять?..»

Тут смеркаться стало. Костры ярче запылали, принялись басурманы баранов резать, мясо жарить, вино пить да песни орать. Девушка захмелела, плясать принялась — пошло веселье!

Тут полночь настала... Утихли нехристи, в круг собрались, а Чебалда на горку взошел.

Смотрит Игнат сквозь листву — и глазам своим не верит. Стало Чебалду трясти да корежить. И вдруг зашелся он криком диким, а крик тот в волчий вой перерос, и превратился басурманин в волка-оборотня. Схватил девицу, впился острыми клыками ей в шею, стал кровь пить, затем с бедняжки одежду сорвал и на куски разорвал. Кости обглодал да в реку покидал... Нехристи по своим шатрам разбежались, боятся, как бы оборотень их не покусал.

«Вот оно что, — смекает Игнат. — Понятно теперь, что ты за зверь, батыр Чебалда. Отомщу я тебе за кровь невинную...»

Вскочил он на коня и напрямик в станицу. Как доскакал, рассветать стало. Где криком, где свистом принял народ будить. Собрались люди, и тогда поведал Игнат о том, что видел. Плачем зашлись женщины, опустили головы казаки. Стали думать, как избавиться от проклятых нехристей. Поднял руку Игнат и сказал:

— Подыму я казаков раненых и заживлю их раны, а уж после поведаю, что дальше делать будем.

Как сказал, так и сделал. Всех казаков раненых чудодейственной кашицей излечил, а после и говорит:

— Как басурманы приедут, им все отдайте, что потребуют, а я усы сбрею, румянами намажусь и переоденусь в девицу, для Чебалды-оборотня припасенную. Уж я сумею его перехитрить! Только соберите серебряные украшения и монеты, я из них нож острый выкую. Ведь только колом в сердце или оружием серебряным можно оборотня прикончить. Как

убью Чебалду, свистом знак подам. И тогда, казаки, не зевайте, из засады выбегайте и бейте басурман!

К вечеру прибыли вороги за данью. Нагрузили арбу добром, а девицу сверху усадили. Та в платок кутается: щеки румяные, губы пунцовые — красавица!

Прибыли басурманы в стойбище, стали пир пировать, девицу угощать. А больше всех Чебалда старается. Девушка попалась веселая! Смеется да за обе щеки вкуснятину уминает. Чебалда на нее не нарадуется, приговаривает:

— Ай, хороша девушка!

Вот уж и полночь близка. «Девушку», от вина захмелевшую, под руки взяли, к Чебалде на гору отвели.

Стало басурманина ломать да корезить, вот уж и морда волчья показалась. Крик в вой перешел, и стал он пасть клыкастую оскаливать...

Да только девица проворной оказалась. Выхватила из-за сапожного голенища нож серебряный и прямо в сердце оборотню вонзила! Потом как засвистит, да так, что басурманы чуть наземь не попадали. Выскочили тут из кустов да перелесков казаки с саблями да бабы-казачки с вилами и топорами и ну басурман бить-рубить! Никому пощады не дали!

А Игнат Простак платье скинул, платок отбросил и острой сабелькой вражьих головы сечет да приговаривает:

— Вот вам, нехристи поганые, за кровь людей наших, за девушек, за детей малых!

Никто из врагов не убежал, всех казаки уложили. Возле своего шатра лежит и Чебалда-оборотень, будто большая копна гнилой соломы. Только серебряный нож в груди торчит.

Быстро долетела весть о случившемся до хана басурманского. Собрал он большое войско, чтобы отомстить за своих воинов, за Чебалду. Только не тут-то было! Собрались со всех станиц казаки в полной боевой готовности и так встретили незваных гостей, что надолго отбили охоту их станицы разорять.

А Игнат Простак, удалой казак, се-стер замуж отдал, да и свою свадьбу сыграл. Взял себе в жены девушку справную да работающую, а через годик у них и сыночек родился. Назвали и его Игнатом.

Так и стал в станице жить-поживать, отцу с матушкой помогать еще один Игнат Простак, удалой казак.

Про матроса Василия

Своеобразны сказания времен Петра I. Рождение русского регулярного флота привело к появлению нового героя — матроса. Эта сказка — вариант легенды петровского времени «Повесть о Василии Кириацком».

В нашей русской стороне, в своей богатой вотчине, жил-поживал столбовой дворянин, городской воевода Лука Иванович. Была у него жена, боярыня-красавица Меланья, да девять дочек, а десятым был сынок Васенька.

Как-то раз, в недобрый час, приходит указ царя Петра: собирать Васеньку в школу заморскую — мореходную.

Запечалился воевода, заголосила боярыня, заплакали барышни, да надобно указ исполнять, а не то и головы можно лишиться.

Снарядили отрока Василия за границу, отец наставленья дал, юноша с матушкой и с сестрами попрощался и отбыл в землю голландскую, в город Амстердам. Там в школе морской вместе с другими русскими дворянами три года обучался он науке мореходной. А как срок настал, прибыли новоиспеченные гардемарины в славный город Петербург и встали пред ясными очами государя Петра Великого экзамен держать.

Кто толково отвечал, того царь целовал и жаловал капитанским чином, а кто тунеядствовал и науки не знал, того строгий император в простые матросы отправлял.

Случилось такое и с Васенькой, сыном боярским. Видно, ученье впрок не пошло, и попал он на корабль простым матросиком лихо маить.

Надобно сказать, что в ту пору война со шведами шла. Шла не первый год — и на суше, и на море.

Вот послал царь тот корабль, где Василий служил, в море-окиян врагов бить-разорять, себе славу добывать. Плынут они и день, и два, и три. С кораблями вражескими баталии ведут — на abordаж берут, из пушек бьют.

Василий одним из первых в боях был, от капитана похвалу заслужил.

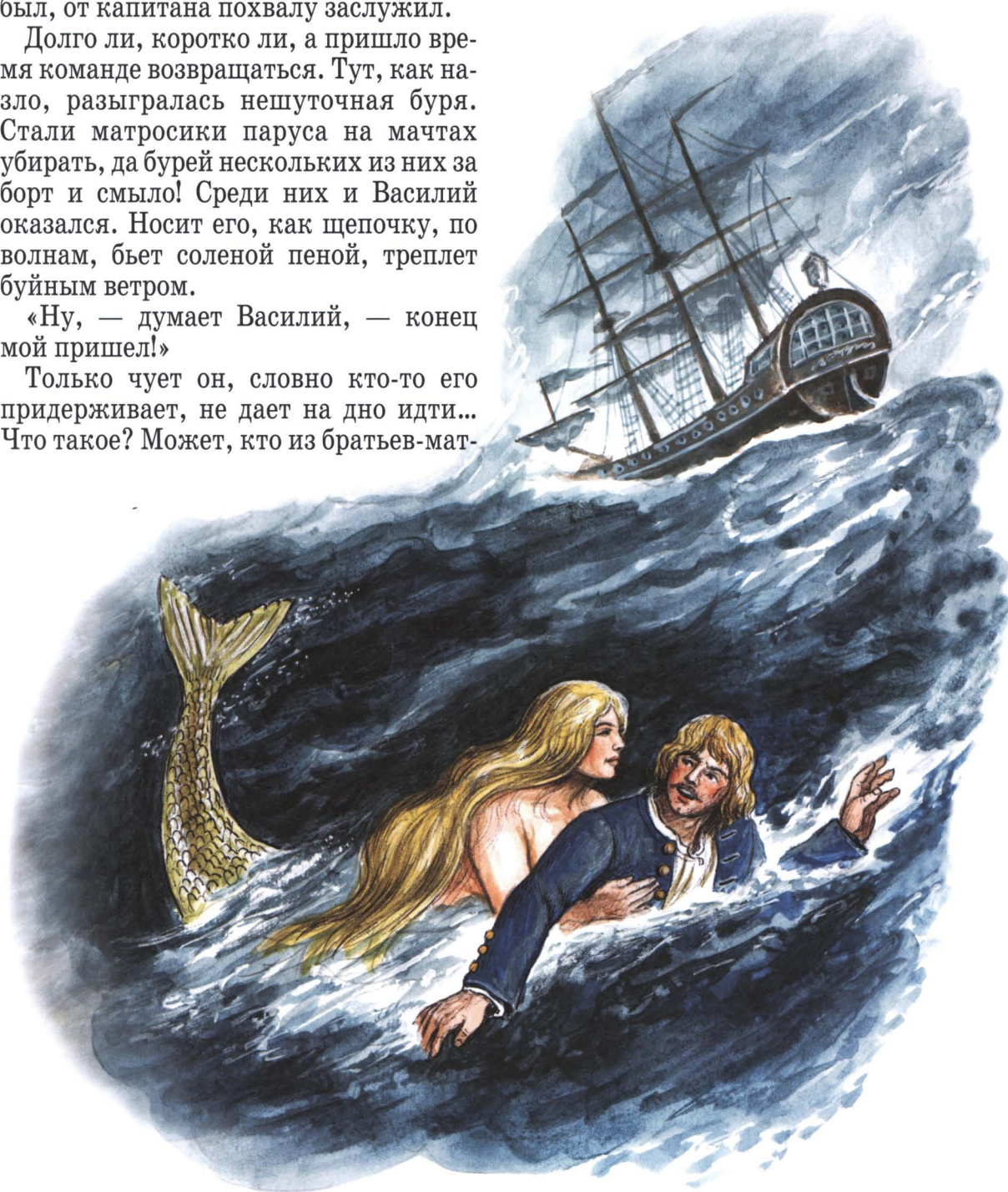
Долго ли, коротко ли, а пришло время команде возвращаться. Тут, как назло, разыгралась нешуточная буря. Стали матросики паруса на мачтах убирать, да бурей нескольких из них за борт и смыло! Среди них и Василий оказался. Носит его, как щепочку, по волнам, бьет соленой пеной, треплет буйным ветром.

«Ну, — думает Василий, — конец мой пришел!»

Только чует он, словно кто-то его придерживает, не дает на дно идти... Что такое? Может, кто из братьев-мат-

росиков помогает? Пригляделся Василий... Боже правый! Да ведь это русалка! Лицом красивая, волосы длиннющие с волнами перевиваются, руки сильные, а хвост рыбий, чешуйчатый...

Тут матросик сознание потерял: видать, дюже его о воду стукнуло, когда с мачты кубарем летел. А как очнулся,

поднял голову — тишина да благодать кругом: берег райский с песочком, небо синее с облачками-барашками, а море спокойно, будто озеро в родимой сторонushке. И сидит перед ним на камушке его спасительница — русалка. Улыбается, зеленоватыми глазами блестит, хвостиком серебряным поигрывает.

— Кто ты, краса-девица? — спрашивает Василий.

Отвечает та нежным голоском:

— Я дочь царя морского, а звать меня Лютецией. А тебя как?

— Василием, я русский матрос. Да откуда же ты взялась, Лютеция, и отчего буря так быстро окончилась?

— Да не скоро она кончилась. Долго мой батюшка, царь морской, бушевал. А все оттого, что корабли мирно по морям-океанам с добром не плавают, а все больше с пальбою да душегубством. Ну, а я и мои двенадцать сестер решили: как батюшка бурю нагонит, кого-

нибудь из людей спасти. Вот ты мне и достался, Василий...

Так и оказался матрос Василий на острове Буяне в море-океане с русалкой Лютецией.

Полюбила его дочь морского царя всей душою. Угощает она его плодами заморскими, потчует винами иноземными. На острове Буяне много кораблей буря о камни прибрежные разбивает, много товара на берег отлогий выбрасывает. Райская жизнь!

Да не дает Василию покоя тоска по родной земле, по братьям-матросикам; да и какое счастье с девицей-рыбой?

Вот как-то раз набрался он смелости и говорит:

— Прости меня, Лютеция, а только душа моя к дому тянется. Истосковался я по русским людям, по товарищам своим...

— Давно я этого разговора ждала, — отвечает Лютеция. — Знаю, что для человека нет большего счастья, чем жить на родной земле. Полюбила я тебя, Васенька, да ничего не поделаешь: не судьба нам вместе быть. Помогу я тебе до родного берега добраться!

Позвала она дельфинов, те шлюпку пригнали. Сел в нее Василий, а они за канат клювами ухватились и потащили по волнам. Быстро плывет шлюпочка! Аж дух захватывает!

Лютеция рядом плывет, дорогу показывает. Долго ли, коротко ли плыли, а только приплыли они к русскому берегу.

Спрыгнул на него Василий и поклонился до земли своим благодетелям.

— Спасибо тебе, Лютеция, за твою доброту. И вам, дельфины милые, поклон! Не поминай меня, краса-девица, недобрым словом. Прощай!

Долго еще плыла Лютеция вдоль берега, прощалась с матросом Василием. А он тем временем шел по каменисто-

му берегу. Сторона незнакомая, и спросить дорогу не у кого.

Вдруг видит Василий: появилось множество кораблей на горизонте. Кинулся он было на скалу — рукой помахать, да спохватился вовремя. Оказались те корабли вражескими — шведскими!

Спрятался Василий за скалу и видит, как спускаются на воду шлюпки, а в них солдаты запрыгивают. Подошли шлюпки к берегу, и стали враги высаживаться.

«Вот оно что, — смекает Василий. — Десант неприятельский! Решили шведы захватить Санкт-Петербург, русские корабли пожечь, а государя Петра Алексеевича убить или в плен взять!»

Кинулся матрос бежать. И, к великому счастью, повстречались ему русские солдаты, конные драгуны.

Поведал им Василий про грозную опасность. Те на коня его посадили и галопом в Петербург. Предстал Василий пред государем.

— Идут, ваше величество, шведы на Петербург. Числом не менее тысячи. Сей десант доставлен на кораблях. Сам видал!

Расцеловал царь Петр матроса Василия, в мичманы пожаловал.

— Кабы не ты, матрос, проморгали бы мы опасность, грозящую городу и флоту нашему. Бог тебя, видно, от гибели сохранил во время бури, чтобы ты эту весть принес. Что ж, давай вместе врагов бить!

Не стал Василий про русалку рассказывать. Засмеют матросы! Получил мичман Василий новую форму, офицерскую шпагу и отряд матросов под свою команду.

Повелел государь вместе с другими отрядами на берегу дожидаться, а как пехотные полки шведов баталией собьют и к морю погонят, тут им преграду и учинить.

Сказано — сделано! Так ударили по шведам русские воины, что вскоре понеслись вприпрыжку хваленые шведские солдаты к своим шлюпкам, оставленным на берегу. А там врагов уже сюрприз поджидал! Перебили их охрану наши морские пехотинцы и врагов-супостатов встретили.

Впереди всех Василий шпагой орудует, пистолетом себе помогает.

— Ну, что, вражины, — приговаривает, — получили город наш, славный Петербург? Знай солдат да матросов русских!

Всех неприятелей опрокинули — кого побили, кого пленили. Отправили пленников Петербург строить. Шведы — хорошие мастера: пусть лучше добрые дела творят, чем злые.

Бывший матрос Василий, а теперь офицер российского флота, лично от государя Петра Алексеевича награду принял, а вскоре и капитаном корабля стал. Верно служил своему императору, российскому флоту и Отечеству.

Царь-пушка

В 1812 году, когда Наполеон захватил Москву, знаменитая Царь-пушка по-прежнему находилась в Кремле. Правда, лафет с колесами у нее был тогда не чугунный, а деревянный. Говорят, она так никогда и не выстрелила. Впрочем, то, чего не бывает в жизни, случается в сказках...

В славном нашем граде Москве жил-поживал купец. Торговал сукном, шелком да цветастым ситцем. Семьи у него не было, а был в прислугах мальчик Тимоша. Взял купец его из сиротского дома и любил, как сынка. Смышленный был паренек да расторопный. Всю купецкую науку превзошел. Не нарадуется на сынка купец! Вот как-то раз на Пасху пошли отец с сынком погулять — сладких куличей пожевать. На площади Красной народу — пруд пруди. И дворяне с дворянками, и купцы

с купчихами, и прочий люд честной. Зашли в Кремль, во двор широкий, а там... Остолбенел Тимоша: предстала взору его пушка небывалой красоты и величины! Стоит паренек, рот раскрыл...

— Это Царь-пушка, — пояснил купец. — Мне еще дед мой сказывал, что отлил ее в стародавние времена мастер один достославный, Андреем Чоховым звали.

— А чего, тятенька, — спрашивает Тимоша, — она такая большая? Неужто можно из такой стрельнуть?

— Люди сказывают, — купец молвил, — когда, не дай Бог, Москве враг грозить будет, то пушка и стрельнет. Да так, что ни один враг не устоит!

А в ту пору, в те времена пошли на Русь войной французы во главе с императором Наполеоном. Оборонялись русские солдаты стойко, да силы были неравны. После битвы Бородинской

отошли русские войска к Москве. А Кутузов, наш главнокомандующий, повелел и ее оставить. Плакал народ православный, да делать нечего: начальству виднее!.. Стали люди покидать Москву-матушку, опасаясь врага. А купец решил никуда не бежать.

— Чего нам, сынок, бояться да разоряться. Французы, чай, тоже люди. Небось, и они покупать товар у нас станут...

Уж Тимоша его и так и сяк уламывал, а тот ни в какую. Останусь — и все тут! Да только просчитался купец. Как вошли басурмане в Москву, так принялись грабить. Все лавки вычистили, магазины разорили и даже церкви святые не пожалели. Стал было купец свое добро защищать да денег с врагов требовать, а те его слушать не стали, а стрельнули из ружья, и отлетела душа купца горемычного. Погнался купец за барышом, да остался нагишом...

Стал Тимоша жить сиротою. Стал побираться среди басурман. Те и колотили его, и шпыняли, и насмехались над ним. А тут пожары в Москве начались. Басурмане в угаре пьяном с огнем-то не осторожничали. Вот пролетели дни и ночи. Уж и осень настала. Как-то случаем забрел Тимоша в Кремль... Удивился: не остановили его часовые французские. Ведь говорили, что сам Наполеон здесь обретается. Костры кругом догорают, а солдат не видать. Оказался Тимоша близ Царь-пушки.

— Эх, пушка, пушка, — заплакал паренек. — Чего ж ты не стрельнула по врагам! Видать, сказку народ придумал...

Тут смеркаться стало, дождик накрапывать принялся. Смекнул Тимоша, что можно укрыться в пушке, взобрался на дуло, а оттуда и вовнутрь. Выпорхнула из дула пара голубей, а Тимоша доволен. Сухо, удобно, правда, холодновато от чугуна, да шубейка хорошо греет. Положил ладошки под щеку и заснул сладко. А утром проснулся и слышит разговор — совсем рядом... Не по-русски говорят, а по-французски. А Тимоша, пока среди супостатов приживался, их речь разбирать стал. Осторожно высунул голову из пушки и видит: стоят французские солдаты с какими-то бочонками, переговариваются...

— Нужно фитиль подлиннее, — говорит один, — а то не успеем убежать.

— Ты прав, Жан, — вторит ему другой, — порошу много, и башни эти русские взлетят к небесам, как игрушечные.

— Император приказал поторопиться, — отозвался третий, — ведь русские совсем близко. Бои идут рядом с Кремлем...

Тимоша замер, не шелохнется. Понял он: отступают французы из Москвы,

видно, дал им Кутузов жару! Да задумали перед уходом взорвать Кремль! Дождался Тимоша, когда французы ушли, быстренько из пушки вылез и за ними отправился. Зашли супостаты в одну из башен, бочонки установили, фитиль приладили, а сами за другими бочками отправились. А Тимоша впорхнул в башню, шнур запальный за пазуху сунул да один самый малый бочонок схватил — и бегом прочь!

— Я вам покажу, нехристи, как Кремль взрывать! Выстрелит, однако, Царь-пушка!

Добежал до нее, всунул фитиль в отверстие в бочонке и в дуло пушечное закинул. Благо, вокруг костры догорали: ухватил Тимоша головню тлеющую и подпалил фитилек.

— Ну, друг Тимоша, — прошептал паренек, — теперь беги что есть духу...

Тут и французы появились. Несут самые большие бочки с порохом, да не дошли до башни...

Как грохотнуло из жерла Царь-пушки, так басурмане наземь попадали, а бочки с порохом разбились вдребезги. А Тимоша из ворот выбежал и видит, как гонят русские гусары да казаки отставших от своих французов. Крикнул им Тимоша:

— Дяденьки, скорее! Там французы Кремль взорвать хотят!

Посадил его офицер к себе на коня, и мигом доскакали они до башни. Ринулись удалые гусары да казаки на ворогов, кого побили, а кого пленили. Расцеловал офицер Тимошу:

— Спасибо тебе, паренек, спас ты Кремль от гибели. Честь тебе и хвала!

Вот так Тимоша героем стал. И помогла ему в этом Царь-пушка.

СОДЕРЖАНИЕ

Бой на Калиновом мосту	2
Михайло Казаринов	6
Василиса Микулишна	10
Покатигорошек	14
Кашей Бессмертный	20
Два Данилы	26
Князь Роман и два королевича	31
Игнат Простак — удалой казак	36
Про матроса Василия	40
Царь-пушка	45

Серия «История России»

Автор вступительных текстов и художник
Юрий Евгеньевич Каштанов

РУССКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Для среднего школьного возраста

Русский героический эпос испокон веков являлся средством воспитания патриотизма у детей. На нем выросли Александр Невский, Дмитрий Донской, Александр Суворов, а также миллионы тех, кто отстаивал родную землю на полях сражений. В образах богатырей, любимцев народа, воплотились представления людей о защитниках русской земли: он умен да проворен, смел да удал.

Составитель Н. Астахова
Редактор Л. Жукова
Ответственный редактор Е. Давыдова
Корректор А. Новгородова
Компьютерная верстка и подготовка иллюстраций: Р. Триндицкая
Сканирование: В. Тулин

ISBN 978-5-7793-1218-9

ООО «Белый город»
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел.: (495) 305-26-50, 780-39-11
E-mail: belygorod@belygorod.ru

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращайтесь по адресам:
105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская,
д. 49а, корп. 10, стр. 2
Тел.: (495) 780-39-11, 780-39-12
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел. (495) 304-54-64
192007, Санкт-Петербург, ул. Тамбовская,
д. 17, эт. 3
Тел.: (812) 766-33-93, 766-58-06
394018, Воронеж, ул. Станкевича, д. 1
Тел. (4732) 765-059

Полный ассортимент книг
издательства «Белый город» представлен
на сайте: www.belygorod.ru

Вы можете заказать
бесплатный каталог издательства «Белый город»
по тел.: (495) 304-43-38, 780-39-11

Отпечатано в Италии
Тираж 5000 экз.

© «Белый город»

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

Серия «История России» — единственная серия книг для детей, наиболее полно раскрывающая перед юными читателями уникальный мир русской истории. Интересный текст и хорошие иллюстрации сделали эти книги популярными.

Серия выпускается с 1998 года и насчитывает более 150 книг.

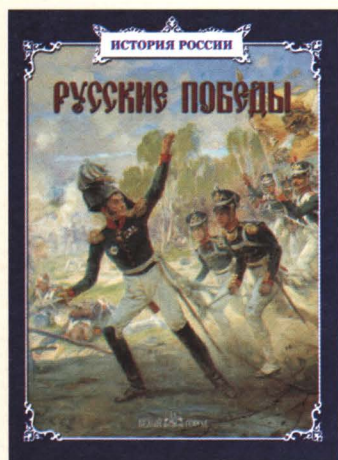
Тираж серии 2 500 000 экземпляров!

Для того чтобы легче было ориентироваться в книгах серии, мы условно разбили их на темы. Для читателя не составит труда собрать свою коллекцию по интересующей его теме.

Некоторые книги могут быть представлены в двух темах. Вышли в свет тематические сборники «Герои русской истории», «Русские победы», «Древняя Русь», «Русские цари», «Российские императоры», «Москва». Готовятся к выпуску и другие сборники. Мы благодарим всех наших читателей к выпуску и другие сборники. Мы благодарим всех наших читателей за поддержку и желаем вам приятного чтения.

Знаком ☒ отмечены книги, которые вошли в сборник.

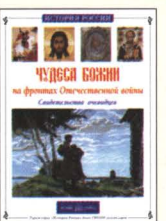
Русские победы

Немало испытаний вынесли русские люди от чужеземных завоевателей. Летопись русской истории наполнена многими славными победами. Военная история России, ее героическое прошлое — тема сборника «Русские победы».

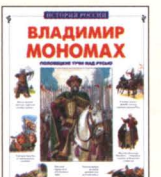
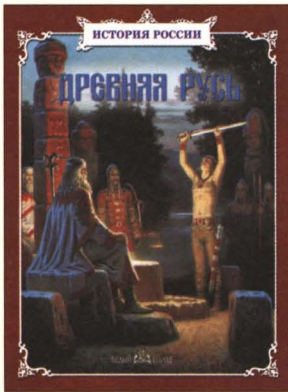

История XX века

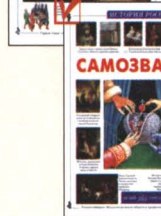
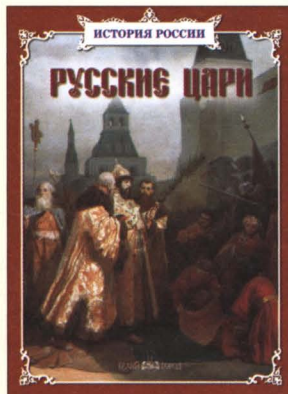

Двадцатый век стал самым сложным в истории нашей страны. В чем смысл уроков, которые преподнес непредсказуемый век жителям России? Об этом размышляют все, кому безразлично будущее великого государства.

Древняя Русь

Цари и императоры

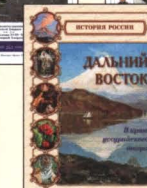
Может ли один человек изменить ход истории? Какова роль личности в развитии государства? Победы и поражения, взлеты и падения, случавшиеся в истории России, авторы пытались проанализировать на примере судеб русских царей, стоявших во главе великой страны. Именно они принимали решения, влиявшие на судьбы многомиллионного народа.

Герои русской истории

Записки путешественника

Эта серия позволит читателям совершить увлекательное путешествие по нашей необъятной стране.

Москвоведение

Москва — особенный город. Сама История прошла по улицам древней столицы, оставив на них свои следы.

Православная культура

Русский быт

Русская словесность

Изобразительное искусство

Талант великих русских художников вырос из народной культуры, которая вобрала в себя события истории и чаяния народа. Эта серия еще ждет своего продолжения.

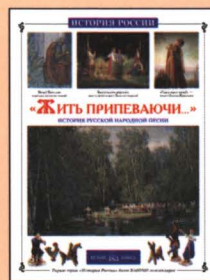
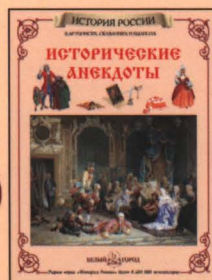
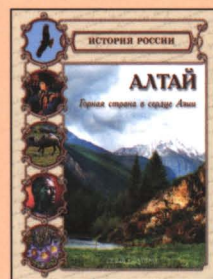
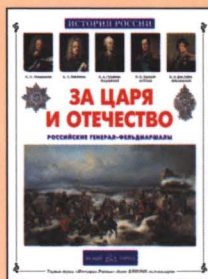
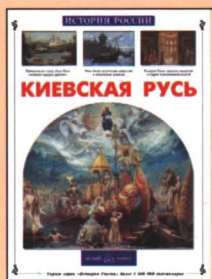
ИСТОРИЯ РОССИИ

Серия «История России» — единственная серия книг для детей, наиболее полно раскрывающая перед юным читателем уникальный мир русской истории. Интересный текст и хорошие иллюстрации сделали ее популярной.

Серия выпускается с 1998 года и насчитывает более 150 книг.

Тираж серии 2 500 000 экземпляров!

Книги, вышедшие в 2009—2010 годах

ИСТОРИЯ РОССИИ

В ЛЕТОПИСЯХ, СКАЗАНИЯХ И БЫЛИНАХ

РУССКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Василиса
Шкудлишна

Князь Роман
и два королевича

Кощей
Бессмертный

Бой на Калиновом
мосту

Царь-пушка

Рокатигорошек

БЕЛЫЙ ГОРОД

Тираж серии «История России» более 2500000 экземпляров